

Научная статья
УДК 323
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-3/83-93>

Военный Союз Владивостокской крепости и борьба Охранного отделения с ним

Василий Кириллович АЗАРЕВИЧ

Государственный объединённый музей-заповедник истории Дальнего Востока им. В.К. Арсеньева, Россия, v.k.azarevich@gmail.com

Аннотация. В статье на основе архивных материалов Владивостокского охранного отделения, хранящихся в Российском государственном историческом архиве Дальнего Востока и Государственном архиве Хабаровского края, рассматривается история и функционирование подпольной организации Военный Союз Владивостокской крепости: её личный состав, цели, задачи и идеология организации, расследование офицерами жандармерии деятельности организации и контекст её существования в рамках революционного движения на Дальнем Востоке России после Первой русской революции 1905–1907 годов. Показано, что Военный Союз Владивостокской крепости органично укладывался в деятельность революционных партий Российской империи. Методы борьбы с ним Охранного отделения позволили своевременно нивелировать угрозу.

Ключевые слова: военный союз, владивостокская крепость, владивостокская крепостная жандармская крепость, владивостокское охранное отделение, охранка, революционное движение на Дальнем Востоке

Для цитирования: Азаревич В.К. Военный Союз Владивостокской крепости и борьба Охранного отделения с ним // Известия Восточного института. 2023. № 3. С. 83–93. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-3/83-93>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-3/83-93>

The Military Union of the Vladivostok Fortress and the struggle of the Guard Department against it

Vasily K. AZAREVICH

Museum of the History of the Far East named after V.K. Arsenyev, Vladivostok, Russia, v.k.azarevich@gmail.com

Abstract. Based on archival materials of the Vladivostok Guard Department (Okhrana), stored in the Russian State Historical Archive of the Far East and State Archive of Khabarovsk Krai, the article discusses the history and functioning of the underground organisation Military Union of the Vladivostok Fortress. The personnel, goals, objectives and ideology of the organisation, the investigation by the officers of the gendarmerie of the activities of the organisation and the context of its existence within the revolutionary movement in the Russian Far East after the First Russian Revolution of 1905–1907 are considered. It is shown that the Military Union of the Vladivostok fortress organically fit into the activity of the revolutionary parties of the Russian Empire. The methods of dealing with it by the Guard Department made it possible to neutralise the threat in a timely manner.

Keywords: Military Union, Vladivostok Fortress, Vladivostok Fortress's Gendarmes Team, Vladivostok Guard Department, Okhrana, revolutionary movement in the Far East

For citation: Azarevich V.K. The Military Union of the Vladivostok Fortress and the struggle of the Guard Department against it // Oriental Institute Journal. 2023. № 3. P. 83–93. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-3/83-93>

После революции 1905–1907 годов властям Российской империи стало очевидно, что в стране существует развитое революционное движение, способное на массовые вооружённые выступления. Во Владивостоке восстания, активными участниками которых были солдаты крепостного гарнизона и матросы Сибирской флотилии, происходили трижды: в 1905, 1906 и 1907 годах. Ответной реакцией властей стало усиление в 1905–1917 годах работы подразделений МВД по выявлению революционных организаций и предотвращению их деятельности. В это время сотрудниками Владивостокского охранного отделения была выявлена и ликвидирована группа под названием Военный Союз Владивостокской крепости.

Масштабы деятельности Военного Союза и количество участников не позволяют говорить о нём как о серьёзной структуре, способной к антиправительственной деятельности. Однако это не лишает возможности рассмотреть этот случай, проанализировать его как явление само по себе и внутри определённого контекста, в рамках которого он оказался.

Основной методологии исследования стала уликовая парадигма, предложенная итальянским историком Карло Гинзбургом в статье "Приметы. Уликовая парадигма и её корни" [2, с. 189–241]. Согласно ей, реконструирование событий прошлого возможно по отдельным его частям, которые сам историк называет "привилегированными участками", сравнимыми с уликами в криминалистике или симптомами болезни в медицине. Такой метод сопоставим с дедуктивным подходом Шерлока Холмса. Восстановление целого, скрытого от нас прошедшими годами, при помощи дошедших до нас в архивных документах частных.

Основная причина, по которой был выбран этот метод, заключается в том, что архивные дела Владивостокского охранного отделения сохранились не полностью. В апреле 1917 года, после падения монархии в стране и ликвидации органов политического сыска, Комиссия по разборке дел Охранного отделения во Владивостоке констатировала факт пропажи списка секретных сотрудников и осведомителей (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 40. Л. 17)¹. Ещё раньше из здания городской думы часть дел ВОО² вынес в неизвестном направлении прапорщик 4-го Владивостокского крепостного артиллерийского полка Тафеев (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 40. Л. 3). Коснулось это и дела Военного Союза Владивостокской Крепости. По описи 1912 года в нём было 850 листов, а 21 апреля 1954 года сотрудники ЦГА РСФСР ДВ описали уже 662 листа.

Первым документом в деле Военного Союза Владивостокской Крепости, хранящемся в РГИА ДВ, является полученное 16 апреля 1911 года Владивостокским охранным отделением года из Департамента полиции МВД сообщение о самой организации. Начальство политической полиции империи просило "обратить самое серьёзное внимание на революционную пропаганду в войсках, озаботиться приобретением надлежащей агентуры и безотлагательно выяснить и ликвидировать Военный Союз Владивостокской Крепости" (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 21. Л. 1). Дело это с самого начала было под контролем руководства Особого отдела Департамента полиции, который координировал политический сыск по всей империи с момента своего создания в 1898 году [3, с. 60, 94–95].

К сообщению прилагались материалы Военного Союза "Известия Военного Союза Владивостокской Крепости" и его Устав. Первый документ – листовка, написанная к 19 февраля 1911 года в связи с годовщиной отмены крепостного права. Авторы критикуют самодержавие и крепостное право, сравнивая его с солдатским призывом: "помещик не сдаёт крестьянина больше в рекруты, но и теперь ежегодно сотни тысяч людей забирается и превращается в рабов офицеров и разных начальников: за жалобу на помещика не наказывают больше плетьюми, но всех, кто осмеливается открыто сказать правду, сажают в тюрьмы, ссылают в пустыни Сибири и на каторгу". Завершается же эта прокламация прямым обращением к военнослужащим: "Товарищи солдаты. Вспомните в этот день освобождения крестьян, что русскому народу предстоит ещё одна трудная задача: освободиться от гнёта самодержавного царского правительства" (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 21. Л. 2).

Устав Военного Союза пытается представить организацию чем-то большим и могучим. Он был опубликован в следующем номере "Известий Военного Союза". Об амбициях организации сообщает уже первый абзац устава: "Цель: объединение сознательной части войск гарнизона Владивостокской крепости для: а) способствования выработки организованных революционных масс в военной среде и б) защиты общих нужд и интересов русского солдата" (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 21. Л. 3). С самого начала руководство организации ставит перед собой задачу массовой работы в войсках крепостного гарнизона, насыщения их революционными идеями и организацией солдат согласно этим идеям. Состав Союза описывается следующим образом: "в Союз входят без различия их партийной принадлежности – а) на началах самоуправления солдатские кружки и группы отдельных войсковых частей и б) отдельные лица из военной среды, могущие в каком-либо отноше-

¹ РГИА ДВ – Российский государственный исторический архив Дальнего Востока

² ВОО – Владивостокское охранное отделение

нии оказать воздействие задачам и целям Союза" (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 21. Л. 3). Принцип руководства Военным Союзом – коллективный, главами организаций, входящих в Союз (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 21. Л. 3). Союз должен объединить всю революционную работу при помощи совещаний, периодической печати и распространения нелегальной литературы, а также руководить боевыми выступлениями Союза, которые считаются одним из методов борьбы (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 21. Л. 3).

Также в этом документе описывается текущая деятельность Военного Союза. За подписью 17 солдат гарнизона Владивостокской крепости в газету "Земля и Воля" было направлено письмо-соболезнование по поводу смерти Льва Толстого с весьма характерными словами: "разъединённые от всего мыслящего и чувствующего человечества солдатским мундиром". Сообщается и об отправке 7 рублей на установку памятника председателю I Государственной Думы Сергею Муромцеву (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 21. Л. 3).

Важной частью данного номера "Известий Военного Союза" можно назвать финансовый отчёт, который полностью нивелирует амбициозность руководства организации малым количеством жертвователей. Согласно ему, за февраль 1911 года в фонд Военного Союза поступило три членских взноса и одно пожертвование на общую сумму в 12 рублей 16 копеек (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 21. Л. 3). Получается, что к 1 марта 1911 года в Военном Союзе Владивостокской Крепости состояло три постоянных члена и был один сочувствующий, готовый платить пожертвования. Это не соответствует заявленному в уставе образу Союза как большой организации с амбициозными целями, способной объединить многочисленные солдатские кружки. Сам факт существования этой организации в гарнизоне Владивостокской крепости произвёл на руководство политического сыска России достаточное впечатление, чтобы работа по этому делу включила сотрудников жандармерии и политической полиции в разных городах страны.

19 апреля 1911 года, то есть через три дня после Санкт-Петербургского начальства, во Владивостокское охранное отделение приходит сообщение от начальника Иркутского Губернского жандармского управления полковника Михаила Игнатьевича Познанского. Причиной, по которой во Владивосток отправлял сообщения начальник Иркутского ГЖУ³, было то, что ВОО подчинялось этому жандармскому управлению.

В своём сообщении Познанский уведомляет владивостокских подчинённых о том, что, по данным Департамента полиции, партия социалистов-революционеров ведёт активную деятельность во Владивостоке, направленную на создание подпольных организаций, в том числе военного характера. Главным действующим лицом этой деятельности Познанский называет бывшего слушателя Санкт-Петербургского политехнического института и военнотружашего инженерных войск крепостного гарнизона Вильгельма Адовича Раммо. Начальник Иркутского ГЖУ называет его посредником между ЦК партии эсэров и военно-революционными организациями на Дальнем Востоке. Вместе с тем Познанский требует как можно скорее создать агентуру для расследования деятельности военно-революционных организаций и сразу же о сообщить о времени её создания и деятельности Раммо (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 21. Л. 5). Упоминание Раммо даёт сотрудникам владивостокской охраны первую ниточку, способную вывести их к заговору.

29 апреля 1911 года Познанский пишет: "Вновь предлагаю Вам немедленно принять меры к приобретению секретного сотрудника в Военной Организации" (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 21. Л. 6). На первый взгляд может показаться, что Познанский чрезмерно активно требовал от своих коллег усилить работу по организации, из документов которой следует, что постоянными её жертвователями являются три человека. Здесь следует учитывать контекст этих событий.

В начале апреля 1911 года Познанский уведомлял своих подчинённых, что "в настоящее время революционная организация будто бы подготовлена ко всеоб-

³ ГЖУ – Губернское жандармское управление

щей забастовке" (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 23. Л. 31). Состав её был разнороден, объединяя "все группы и партийные оттенки, начиная с самых крайних левых и до тех прогрессивных элементов, кои пришли к заключению, что для "спасения отечества" возможен только один путь – "полное повторение всех деталей 1905 года" (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 23. Л. 31). Аудиторией этой организации назывались врачи, служащие, рабочие и военные (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 23. Л. 31). Весной 1911 года руководство политического сыска в Сибири и на Дальнем Востоке ожидало крупных восстаний. Ожидания иркутских и владивостокских жандармов соответствовали изменению тактики революционных партий по работе с армией.

В 1908 году Особый отдел Департамента полиции МВД разослал начальникам охранных отделений сообщение о новой системе военных организаций в РСДРП. Согласно ему, при каждом местном комитете по необходимости создавалась автономная военная организация во главе с собственным центральным комитетом. Эти организации должны заниматься приобретением связей среди военных, ведением агитации и пропаганды, созданием солдатских кружков от ротного до полкового уровня (Ф. 536. Оп. 1. Д. 7. Л. 9).

В 1909 году руководство Иркутского ГЖУ сообщало Владивостокскому охранному отделению, что младотурецкий переворот, огромную роль в котором сыграла армия, вызывал в руководстве партии эсеров перемену взглядов на работу с военными. Революционная агитация и пропаганда среди военных стала для них первостепенным приоритетом, обойдя по востребованности такую же среди крестьян и тем более рабочих. Изменение конъюнктуры привело к тому, что военные организации эсеров стали действовать автономно, выйдя из подчинения районных и местных партийных ячеек (Ф. 536. Оп. 1. Д. 7. Л. 2).

К весне 1911 года, когда началось расследования дела Военного Союза Владивостокской крепости, руководство политическим сыском во Владивостоке и Иркутске пребывало в твёрдой уверенности, что со дня в регионе может начаться массовое революционное выступление, одним из главных участников которого будут распропагандированные солдаты. Вероятно, этим объясняется столь острая реакция правоохранительных органов на появление Военного Союза. По логике жандармов, эта организация могла оказаться одной из многих, занятых радикализацией военных с целью их вовлечения в революционную деятельность.

Радикализация армии считалась действенным орудием партией эсеров, членом которой был упоминавшийся в служебной переписке Иркутского ГЖУ и ВОО Вильгельм Адович Раммо. Сотрудникам ВОО удалось установить, что Вильгельм Раммо служит в 6-м Сибирском сапёрном батальоне, подлежит увольнению в 1912 году (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 21. Л. 8, 10). Уже в конце мая Владивостокское охранное отделение запросило право на перлюстрацию писем Раммо и сообщило, что агентура сформирована и выслана к месту расположения 6-го Сибирского сапёрного батальона (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 21. Л. 14, 16).

Из агентурного донесения следует, что 6-й Сибирский сапёрный батальон был расквартирован в бухте Рында. Неподалёку от его позиций находились части 33-го и 34-го Сибирских стрелковых полков и 9-й Сибирской стрелковой артиллерийской бригады (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 21. Л. 19). Получалось, что если Военный Союз Владивостокской крепости существует как военно-революционная организация, то своей деятельностью она может охватить несколько крупных войсковых частей, расквартированных на севере и северо-западе острова Русского. В случае возможного бунта этих частей они могли захватить форт Русских, расположенный на горе Русских – самой высокой вершине острова, откуда можно было обстреливать всё его побережье [4, с. 129]. Восстание, в ходе которого бунтовщикам удалось бы захватить мощнейшее сухопутное укрепление острова с прилегающими военными объектами, могло бы превзойти по своим масштабам все предыдущие выступления революционно-настроенных военных во Владивостоке.

В июне 1911 года руководство Владивостокского охранного отделения отправляет запросы в губернские жандармские управления империи от Вильно до Томска с просьбой предоставить сведения о ряде фельдшеро 33-го Сибирского

стрелкового полка, которые попали под подозрение. Этот метод какого-либо результата не дал. Среди упомянутых людей никто не попадал в поле зрения жандармерии (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 21. Л. 26–51). Летом же выходит новый выпуск "Известий Военного Союза", в котором содержатся сведения "Из местной жизни": в 6-м Сибирском сапёрном батальоне двое пьяных офицеров избили солдат за отказ участвовать в игре с призами, во Владивостокском крепостном сапёрном батальоне нижних чинов кормят рыбой и сухарями, хранящимися со времён Русско-Японской войны, что привело нескольких солдат к цинге (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 21. Л. 61–62). Отдельного внимания заслуживает жалоба на то, что "В 33-м Сибирском стрелковом полку. Нижним чинам варят суп из "черемхи", т.е. из какой-то травы, которую солдаты же срезают в лесу. Понятно, что за пища получается из травы. Травой же кормят и в 9-м Сибирском стрелковом полку" (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 21. Л. 61–62). Здесь авторы прокламации демонстрируют незнание того факта, что черемша способна предотвращать возникновение цинги, на случаи которой они жаловались.

Следующий этап в деле Военного Союза связан со сменой начальства ВОО. Новым руководителем охраны вместо ротмистра Иллариона Хуциева стал ротмистр Константин Нагородский. В сообщении директору Департамента полиции МВД Нагородский пишет, что ни о каких тайных организациях в гарнизоне Владивостокской крепости Хуциев ему не сообщал. Более того, выяснилось, что нет и соответствующей агентуры. В апреле она была направлена для выяснения обстоятельств дела, но уже в июле её работа была прекращена (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 21. Л. 64). Для дальнейшей работы по освещению деятельности Военного Союза Нагородский привлёк агентов "15" и "Сергушина". "Сергушин" ранее работал по социалистическим организациям Владивостока – в 1910 году он установил собрания кружка эсеров в доме Василия Сердюкова [1, с. 187]. Агенту "15" приказано работать в расположении 33-го Сибирского стрелкового полка и 6-го Сибирского сапёрного батальона при содействии начальника Владивостокской крепостной жандармской команды подполковника Васильева. Также Нагородским начата проверка сведений, содержащихся в последнем выпуске "Известий Военного Союза". При этом он указывает, что является единственным офицером в ВОО, что может ему помешать в полноценном ведении сыскной деятельности (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 21. Л. 64).

В октябре офицеры 6-го Сибирского сапёрного батальона штабс-капитан Фетисов, поручики Дюскин, Раевский и прикомандированный к Сибирскому воздухоплавательному батальону поручик Чекутов получили по почте прокламации Военного Союза "К офицерам" (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 21. Л. 86). В этом документе особое внимание вызывают строки "события в Турции и Португалии будут для вас примером". В 1908 году национал-демократическое движение младотурок "Единение и прогресс" свергло с престола султана Абдул-Хамида II, провозгласив своей целью восстановление в Османской империи конституционной монархии. В 1910 году в Португалии также произошло революционное восстание, результатом которого стало свержение короля Мануэла II и установление в стране республиканской формы правления. В обоих случаях в свержении монархов огромную роль сыграли силы армии и флота, возглавляемые собственными офицерами. Всё это не могло не привлечь к себе внимание руководителей департамента полиции МВД.

В частности, активное участие военно-морского флота в свержении португальского короля Мануэла II послужило аргументом против запрета секретной агентуры охранных отделений и жандармерии в военно-морских силах России. В то же самое время оппозиционно настроенная часть генералитета и офицеров Генерального штаба получила прозвище "младотурками" по прямой аналогии с участниками свержения Абдул-Хамида II [6, с. 58].

Из прокламации Военного Союза Владивостокской крепости видно, что пример двух этих стран вдохновлял не только правоохранителей, но и их оппонентов, которые считали этот опыт вполне успешным. О том, что этот опыт анализировался, косвенно указывает и целевая аудитория обращения: "Мы обращаемся к вам, молодые офицеры, по воле ваших отцов или внешних обстоятельств ещё в отроче-

ские годы отданные этому сословию, к вам, в которых ещё не погасла искра Божия, не погасли чистые порывы ко всему светлому и честному" (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 21. Л. 95). Подпольщики делали ставку на молодое офицерство, противопоставляя его старшим коллегам, о чём также говорилось в прокламации: "Мы не обращаемся к тем офицерам, которые, привлекаемые лёгкостью труда, мишурным блеском мундира и безответственностью и привилегированностью военного сословия приняли на себя это звание; не обращаемся мы и к тем старым офицерам, которых среда и время успели искалечить, превратили в бездушных Скалозубов" (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 21. Л. 95). Полиция империи и революционеры, видя перед собой примеры недавних революций за рубежом, считали молодых офицеров потенциально-революционной социальной группой. Подобного рода португализация (или османизация) армии представлялась существенной угрозой для руководства политического сыска и наиболее приемлемым методом борьбы для революционных групп. Стремление Военного Союза направить свою пропаганду не только на рядовых солдат, но и на молодых офицеров укладывалось в общую логику работы революционных партий в рядах Русской императорской армии.

Меж тем руководству ВОО удалось сузить поле поиска – в своём сообщении директору департамента полиции МВД Нагородский писал, что, по всей видимости, техника для изготовления прокламаций хранится в 15-й роте 33-го Сибирского стрелкового полка на острове Русском (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 21. Л. 86). Началось изучение мест скопления нижних чинов на острове Русском в надежде выйти на след организации. В начале ноября начальник Владивостокской крепостной жандармской команды подполковник Васильев сообщил Нагородскому, какие полковые и частные лавки есть в бухте Рында и в районе расположения 34-го Сибирского стрелкового полка. Отдельно Васильев указывал, что разрешения на открытие частных лавок даются комендантом крепости "нехотя и в крайности" что не мешает им пользоваться большой популярностью среди солдат (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 21. Л. 94).

Позже приходят ответы командиров войсковых частей, которые упоминались в "Известиях Военного Союза". Командир Владивостокского крепостного сапёрного батальона сообщил, что в вверенной ему части действительно были случаи цинги, но вызваны они были не плохим питанием, а старыми жилыми помещениями с нехваткой свежего воздуха и неправильной варкой пищи нижними чинами, что привело к нарушению количества кислот и специй (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 21. Л. 94).

Дальнейшая работа была направлена на увеличение числа агентуры на острове Русском. 14 декабря 1911 года Константин Нагородский сообщил начальству о том, что двенадцатью днями ранее был завербован сотрудник "Головин" чьей задачей стало освещение деятельности Военного Союза (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 21. Л. 118). Также сотрудники охраны по штемпелю "Владивосток-Харбин" и цифре "264" на конверте с обращением "К офицерам" пытались установить, откуда оно было прислано. Совместная работа с ЖПУ (*жандармское полицейское управление В.А.*) Уссурийской железной дороги показала, что конверт с письмом, скорее всего, был опущен в почтовый вагон поезда, идущего от Владивостока до станции Маньчжуря, либо в самом Владивостоке, либо на Первой речке (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 21. Л. 120). После чего сразу же ВОО направило начальнику жандармского полицейского управления просьбу об установлении наблюдения за вагонами, стоящими на станциях Владивосток и Первая речка, с обращением особого внимания на нижних чинов крепостного гарнизона.

За этой работой наступила кульминация в деле Военного Союза Владивостокской крепости. 13 декабря 1911 года начальник гарнизона Русского острова сообщил коменданту крепости Владимиру Ирману, что у рядового Ульяна Тарасенко найдены запрещённые письменные материалы и прокламации. После опроса были арестованы стрелки Поляков и Ванюков. Начальник гарнизона дал предписание провести обыски, выслав уведомления командирам 3-го Владивостокского крепостного артиллерийского полка, 6-го Сибирского сапёрного батальона и главному врачу Владивостокского временного № 3 госпиталя (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д.

21. Л. 122). Казалось, что пока охранное отделение и жандармерия ходят кругами, пытаясь вычислить революционную организацию, военному руководству удалось прибить её одним махом. Тем не менее Владимир Ирман предписал передать рапорт начальника гарнизона острова Русский в ВОО "для тайной разведки и расследования".

Среди конфискованных у Тарасенко и Ванюкова вещей были сборник стихов, книга "Жизнь Иисуса" французского философа и семитолога Эрнеста Ренана, книжки со стихами и письмо нецензурного характера (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 21. Л. 126). Также начальник гарнизона острова Русского уведомил руководство жандармского полицейского управления о том, что арестованные содержатся на гауптвахте вместе с подозреваемыми в соучастии стрелками Поляковым, Мингалёвым и Эберсом. Дальнейшая работа ВОО показала, что армейское командование выдало желаемое за действительное: аресты и обыски были инициированы военными, которые действовали по собственной инициативе. Результаты дознания показали, что никто из арестованных не виновен в инкриминируемых им преступлениях. Никаких следов существования тайной и массовой организации среди военнослужащих не найдено. И больше того, изъятые военными стихи оказались не какой-то запрещённой литературой, а разрешёнными цензурой к печати стихами Некрасова и Никитина (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 21. Л. 164). Впрочем, стоит отметить, что эту ситуацию руководство ВОО использовало себе на пользу – был завербован секретный сотрудник из среды воинских чинов, который заявил, что никаких признаков существования Военного Союза нет, а "Известия Военного Союза" он никогда не видел. Тем не менее политический сыск продолжал свою агентурную работу (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 21. Л. 165). В частности, в ходе экспертизы, проведённой сотрудником ВОО штабс-ротмистром Евгением Лалевичем, выяснилось, что прокламация "К офицерам" изготовлена на той же бумаге и теми же чернилами, что используются в 33-м Сибирском стрелковом полку при составлении приказов (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 21. Л. 168).

31 января 1912 года ВОО подвело итоги дела по аресту Ульяна Тарасенко и его сослуживцев. Как уже говорилось ранее, руководство владивостокской охраны пришло к выводу, что Военный Союз Владивостокской крепости существует лишь в собственных прокламациях и листовках, которые лишь "служат разращению войск", к борьбе с чем приняты соответствующие меры (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 21. Л. 179).

В следующий раз Военный Союз заявил о себе спустя несколько месяцев, когда утром 2 мая 1912 года на двери казармы и туалета 6-й роты 34-го Сибирского стрелкового полка были найдены воззвания, посвящённые Ленскому расстрелу. О произошедшем начальник Владивостокской крепостной жандармской команды немедленно уведомил жандармского полицейского управления по Уссурийской железной дороге (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 21. Л. 247). Позже в депеше на имя заведующего Особым отделом Департамента полиции ротмистр Нагородский сообщил, что на Русском найдены пять прокламаций Военного Союза и высказал мнение, что их выпускает кто-то один, а не разветвлённая тайная организация. Это сообщение завершалось традиционным уже выражением намерения усилить агентурную работу по данному делу (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 21. Л. 251).

Это обещание оказалось не пустым звуком, и ротмистр Константин Нагородский сдержал своё слово – 7 мая 1912 в Иркутское ГЖУ была отправлена телеграмма, в которой содержались сведения о составе Военного Союза. Завербованный в декабре 1911 года секретный сотрудник "Головин" сумел установить состав Военного Союза – речь шла о группе из четырёх человек, в состав которой входили организатор Павел Сычёв, Лев Караханов и его жена (родственница Сычёва) Клавдия Манаева и рядовой 6-го Сибирского сапёрного батальона Вильгельм Раммо (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 21. Л. 251). Как выяснилось, вместо грозной военно-революционной организации охранка и жандармерия во Владивостоке имели дело с группой из нескольких интеллигентов, которые вели нерегулярную и малую по своим объёмам работу.

Насколько реальное положение вещей отличалось от того, что успели представить руководители политической полиции, прекрасно осознал начальник ВОО Константин Нагородский, писавший в Иркутск, что "состав кружка присвоившего себе наименование Военного Союза крайне малочислен отчасти связан узами родства, деятельность проявляет бессистемным выпуском листов в весьма ограниченном количестве. Наружное наблюдение этими лицами результатов не даёт. Поэтому производство ликвидации применительно параграфу тридцать положения во время совершения преступного деяния весьма гадательно в смысле времени, кроме того поведёт к провалу агентуры" (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 21. Л. 251). Также он запросил у Иркутска дальнейшие инструкции, которые ему пообещали выслать после знакомства со всеми материалами дела, поручив спокойно вести дальнейшую разработку Военного Союза (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 21. Л. 258).

Наиболее известным членом Военного Союза можно назвать Льва Караханова – после Октябрьской революции он станет известен как секретарь советской дипломатической миссии на переговорах с Германией в Брест-Литовске, первый полпред РСФСР в Польше, посланник СССР в Китае и заместитель народного комиссара иностранных дел. В 1937 году его расстреляли как врага народа. До Первой Мировой войны он занимался активной партийной работой в Харбине и, согласно данным владивостокской полиции и жандармерии, был прописан во Владивостоке с 1 марта 1911 года по адресу Китайская, дом 11, где жил по паспорту № 372, выданном Харбинским полицейским управлением (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 16. Л. 109). С марта 1912 года Лев Караханов находился под наблюдением Владивостокского охранного отделения под кличкой "Герой" (ГАХК. Ф. И-30. Оп. 1. Д. 1. Л. 64). Находясь во Владивостоке, он развил активную деятельность в Народном доме, где предполагал организовать эсэровский кружок. При этом ему было выражено недоверие со стороны руководства Народного дома, и ему пришлось выехать в Петербург (ГАХК. Ф. И-30. Оп. 1. Д. 1. Л. 64об).

Другой активный член Военного Союза и жена Караханова – Клавдия Ефремовна Манаева. Владивостокской охранке она была известна с марта 1908 года, так как состояла под агентурным наблюдением под кличкой "Подруга" (ГАХК. Ф. И-30. Оп. 1. Д. 1. Л. 107). Документы ВОО характеризуют её как активного и деятельного члена социал-демократической партии, состоявшего в комитете союза учащихся (ГАХК. Ф. И-30. Оп. 1. Д. 1. Л. 107об). Кроме неё в поле зрения охранки находились её братья Фёдор ("Цыган"), Иван ("Китайский") и сестра Нина ("Красная").

Наибольшую активность в этой семье революционеров проявлял старший брат Фёдор, который был членом партии социалистов-революционеров что, однако, не помешало ему выдвинуться в кандидаты в депутаты II Государственной Думы от РСДРП. В Народном доме он занимался поставками украинской литературы и проходил по наблюдению за группой эсэров в октябре 1913 и за группой социал-демократов в мае-июле того же года (ГАХК. Ф. И-30. Оп. 1. Д. 1. Л. 104об). Член РСДРП Иван Манаев предоставлял свою квартиру для печати листовок, получал из-за рубежа на пароходе "Монголия" нелегальную литературу, которую отправлял в село Раздольное для дальнейшего распространения (ГАХК. Ф. И-30. Оп. 1. Д. 1. Л. 108–108об). Нина Манаева, будучи гимназисткой, находилась под наблюдением ещё в 1908–1909 годах по делу владивостокских социал-демократов. В 1910 году за ней велась слежка по делу благовещенской организации РСДРП (ГАХК. Ф. И-30. Оп. 1. Д. 1. Л. 103об). Дети купца Ефрема Манаева, будучи выходцами из местной элиты, стали членами революционного движения, имея связи среди социал-демократов, эсэров и украинских националистов. Мировоззрение, связи, общественное положение – всё это толкало их к активной деятельности в рядах революционных организаций. Одной из них стал Военный Союз Владивостокской крепости. Тем не менее руководил этой организацией не Лев Карахан и не Клавдия Манаева, а Павел Сычёв.

Павел Алексеевич Сычёв родился 30 августа 1890 года во Владивостоке и ещё 15-летним подростком принял активное участие в революционном движении, став активистом владивостокской группы РСДРП. Впоследствии он попал под над-

зор охраны, а после революции занимал должность секретаря Совета министров Дальневосточной республики. В 1950-е – 1960-е годы он стал известен как автор тетралогии "Земля, омытая кровью", посвящённой революционному движению на Дальнем Востоке от Первой Русской до Октябрьской революции [5, с. 310].

Вместе с социал-демократами Карахановым и Сычёвым в одной организации состоял эсер Вильгельм Раммо – такой Союз вполне объясним спецификой положения революционных партий после разгрома выступлений 1905–1907 годов. В 1910 году в Цюрихе прошла межпартийная конференция, организованная партией эсеров. По её итогам была объединена работа всех социалистических партий в армейской среде [6, с. 661]. Эта тенденция затронула, в том числе Дальний Восток, где революционное движение было фактически разгромлено, что привело к объединению его остатков ещё до Цюрихской конференции. Так, например, в январе 1910 года агента жандармского полицейского управления по Китайской Восточной железной дороге в Харбине сообщила, что в городе действует объединённый комитет социалистов-революционеров и РСДРП (РГИА ДВ. Ф. 542. Оп. 1. Д. 689. Л. 45). Уже во время Первой мировой войны Иркутское ГЖУ сообщило начальнику ВОО полковнику Богацевичу, что, по агентурным данным, среди нижних чинов гарнизона Владивостокской крепости действует совместная организация эсеров и социал-демократов (РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 26. Л. 4). В этой связи нет ничего удивительного в союзе социал-демократов Караханова, Манаевой и Сычёва с эсером Раммо.

По итогам агентурной работы Военный Союз Владивостокской крепости был ликвидирован в середине 1912 года [1, с. 194]. Таков был конец истории одного заговора, который весной 1911 года представлялся руководству политического сыска на Дальнем Востоке России некой могущественной и сплочённой силой, способной устроить вооружённое восстание. Дальнейшее расследование показало, что вместо настоящей подпольной организации сотрудники охраны и жандармерии ловили группу революционно настроенных интеллигентов, которые не были в состоянии осуществить даже постоянный выпуск собственных агитационных материалов.

Весной 1912 года были прекращены две переписки, которые начальник Владивостокской крепостной жандармской команды вёл в связи с делом Военного Союза. В марте 1912 года начальник ВКЖК⁴ подполковник Васильев вынес постановление о прекращении переписки о распространении воззваний "К офицерам". В нём он перечислил следующие факты и свои гипотезы, на них построенные. Не удалось установить авторство листовок, не смотря на наличие большой коллекции почерков подозреваемых, среди которых были почерки шестнадцати нижних чинов 6-го Сибирского сапёрного батальона, всех ротных писарей и главного подозреваемого – рядового Раммо (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 208. Д. 2426. Л. 4). Также никаких результатов не дали опросы свидетелей. При этом Васильев отмечал, что рассылка воззваний, тем более не имеющих печати, не характерна для революционных партий, рассылка воззваний "к молодым офицерам" офицерам старших возрастов указывает на отсутствие связей и знакомств в военном мире (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 208. Д. 2426. Л. 4). Отправка конвертов по железнодорожной почте указывала, по мнению руководства ВКЖК, на то, что это работа городского жителя или военнослужащего, связанного лишь с некоторыми частями на острове Русском. В итоге подполковник Васильев приходил к выводу о невозможности установить, кто же виновен в распространении листовок, что должно было стать причиной прекращения переписки.

Постановление же о прекращении переписки по делу о распространении воззваний Военного Союза Владивостокской крепости на острове Русском в мае 1912 года отличается ещё большей лаконичностью. Подполковник Васильев писал, что "дальнейшее производство переписки никаких новых данных, служащих к выяснению виновных в распространении воззваний, не даст, что все имеющие отноше-

⁴ ВКЖК – Владивостокская крепостная жандармская команда

ние к этому делу лица распрошены, все обстоятельства дела исследованы с достаточной полнотой, ПОСТАНОВИЛ: настоящую переписку производством заключить и представить Начальнику Жандармского Полицейского Управления Уссурийской железной дороги" (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 209. Д. 1425. Л. 3). При этом в уведомлении, отправленном в Департамент полиции МВД, Васильев указывал, что обвиняемых по этому делу нет (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 209. Д. 1425. Л. 2).

Владимир Набоков в "Других берегах" писал, что историю России можно рассматривать как своеобразную эволюцию полиции и вместе с тем как развитие изумительной и вольнолюбивой культуры. Группа Льва Карахана, Кладвии Манаевой, Вильгельма Раммо и Павла Сычёва была проявлением той ситуации, что сложилась в начале XX века в российском обществе и культуре, когда они активно политизировались и радикализировались. Развитие революционных групп привлекало внимание политической полиции, которая предпочитала наблюдать за ними, а не превентивно ликвидировать. Расследование деятельности Военного Союза позволяет увидеть, как возникали подобные группы, как полиция реагировала на них и как это противодействие революционного движения и полицейского аппарата укладывалось в общую канву происходивших в стране событий.

Деятельность Военного Союза Владивостокской крепости на первых порах оценивалась как однозначная угроза для безопасности империи на востоке страны. Дальнейшее расследование показало, что эта организация не представляет столь большую опасность, а сама она состоит из нескольких человек, не связанных с военными и неспособных к организованной регулярной деятельности. Безвредность Военного Союза признавало даже руководство Владивостокского охранного отделения – ротмистр Нагродский писал, что ликвидация группы нанесёт больше вреда, чем пользы, так как раскроет агентуру ВОО.

Литература

1. Буюков А.Н. Агентурная деятельность владивостокского охранного отделения в среде политической оппозиции: 1907–1917 годы // Проблемы российского государственного строительства и законодательства. Сборник научных трудов. Владивосток, 1994. С. 179–197.
2. Гинзбург К. Приметы. Уликовая парадигма и её корни // Гинзбург К. Мифы – эмблемы – приметы: Морфология и история. Сб. ст. М.: Новое издательство, 2004. С. 189–241.
3. Перегудова З. И. Политический сыск России (1880–1917 гг.). М.: Российская политическая энциклопедия, 2000. 432 с.
4. Стратиевский О.Б. Остров Русский (страницы истории). Издание третье исправленное и дополненное. Владивосток, 2016. 524 с.
5. Сычёв Павел Алексеевич // Писатели Дальнего Востока: биобиблиографический справочник. Вып. 2 / сост.: Т. В. Кирпиченко, Л. Н. Циновская. Хабаровск, 1989. С. 310–312.
6. Хутарев-Гарнишевский В.В. Противостояние. Спецслужбы, армия и власть накануне падения Российской империи, 1913–1917 гг. М.: "Институт экономической политики им. Е.Т. Гайдара", 2019. 322 с.

References

1. Buyakov A.N. Agent activities of the Vladivostok Guard Department among the political opposition: 1907–1917 // Problems of Russian state construction and legislation. Collection of scientific papers. Vladivostok, 1994. P. 179–197 (In Russ.).
2. Ginzburg K. Signs. Clue paradigm and its roots // Ginzburg K. Myths – Emblems – Signs: Morphology and History. Collection of articles M.: New publishing house, 2004. P. 189–241 (In Russ.).
3. Peregudova Z. I. Political investigation of Russia (1880–1917). M.: Russian political encyclopedia, 2000. 432 p. (In Russ.).
4. Stratievsky O.B. Russian Island (pages of history). Third edition, corrected and enlarged. Vladivostok, 2016. 524 p (In Russ.).
5. Sychev Pavel Alekseevich // Writers of the Far East: bio-bibliographic reference book. Issue. 2 / comp.: T. V. Kirpichenko, L. N. Tsinovskaya. Khabarovsk, 1989. P. 310–312 (In Russ.).
6. Hutarev-Garnishevsky V.V. Confrontation. Special services, army and power on the eve of the fall of the Russian Empire, 1913–1917. M.: "Institute of Economic Policy named after. E.T. Gaidar", 2019. 322 p. (In Russ.).

Василий Кириллович АЗАРЕВИЧ, научный сотрудник Государственного объединённого музея-заповедника истории Дальнего Востока им. В.К. Арсеньева, г. Владивосток, Россия, e-mail: v.k.azarevich@gmail.com

Vasily K. AZAREVICH, Researcher, Research Department, Vladimir K. Arseniev Museum of Far East History, Vladivostok, Russia, e-mail: v.k.azarevich@gmail.com

Поступила в редакцию
(Received) 30.09.2022

Одобрена после рецензирования
(Approved) 08.08.2023

Принята к публикации
(Accepted) 08.09.2023